
Василий Розанов, «онижедети» и нынешние «свободолюбые»

[Юрий КАБАНКОВ](#) - 03 июля 2017

Body

Юрий КАБАНКОВ

Василий Розанов, «онижедети» и нынешние «свободолюбые»

Кто сегодня «малых сих» подбивает на «новую революцию»

Ежели, слегка прищурившись, попытаться не замечать (мудрено, однако!) тех, "соблазняющих малых сих", коим следовало бы (по Евангелию) "повесить мельничный жернов на шею и потопить во глубине морской" (Мф., 18.6)... Ежели бы не замечать эту мельтешащую, ДОНИМАЮЩУЮ мошкарку вроде навалного (имя здесь, конечно же, нарицательное), то - можно (бы!) неспроста полюбопытствовать, каким образом ответил (бы!) на все эти (длящиеся в веках, периодически затухающие) почти театральные ("...кто там шагает правой?!") выступления "малых сих"... Как, например, отозвался бы на всё это "наш добрый российский Ницше" Василий Васильевич Розанов - в статье "О студенческих беспорядках", написанной без году (не много, не мало) сто двадцать лет назад (!).

Например, так:

"...На беспорядки эти можно иметь несколько точек зрения; точнее, они открывают в себе разные стороны, как только мы решаемся их всесторонне исследовать. Прежде всего, это есть болезнь возраста, неприятная, хлопотливая, но не упорная и не опасная. Наше брожение политическое и так называемое "социальное" комплектуется исключительно адептами 16-27 лет; и, с другой стороны, в возрасте этих критических 16-27 лет почти каждый образованный русский "отрицает" и волнуется. Было бы напрасно думать, что какие-то проблематические выгоды заставляют позднее успокаиваться этих людей. Нет, простой опыт жизни, расширение сферы наблюдений и самой наблюдательности, завязавшиеся живые связи с обществом и жизнью исторической через семью, детей, наконец, через труд - кладут каждого в свою ячейку и заставляют признавать необходимость и целесообразность, а, наконец, и священность, и поэзию этого

громадного улья, где вот уже тысяча лет роится громадный народный рой. В 16-27 лет каждый, т. е. почти каждый, русский бывает не только парламентаристом или республиканцем - этого еще мало, - он непременно бывает дарвинистом, позитивистом, социалистом; он вообще бывает политиком и философом в политике, к которой вплотную не подошел, и в философии, которую только что начал читать".

Замечу, что не каждый «русский» успокаивается, «исполненный годами»; у некоторых младенческая немощь ума мешает созреванию сердца даже в «зрелые годы». Я имею в виду озлобленный детский лепет некоторых «приподнятых над толпою» корифеев нашего болтливового либерализма. Кто у нас наиболее свободно проявляет повадки литературного скунса? Вы укажете на Диму Быкова и будете правы, он у нас на слуху в силу «лёгкости мысли необычайной» (Хлестаков), это ему рукоплещут умозрительные читательские «трибуны», те самые «онижедети», поверившие лукавой дудочке крысолова и впрямь возомнившие себя «отдельными» от «всех прочих», заражённые к тому же некими «трихинами», о которых говорится в эпилоге к «Преступлению и наказанию» (которого никто не читает).

Напомню: «Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований...» И дальше по тексту - весьма полезное чтение для умеющих слышать...

Помню, в детстве-отрочестве поразила меня фраза в одном фантастическом романе: «Никто так не призирает толпу, как зауряд, возвысившийся над нею». Фраза оказалась универсальной - на все времена. Но универсалии бывают и отрицательного свойства, довольно жалкого, по сути.

Читаем: «Большая часть российского населения ни к чему не способна, перевоспитывать её бессмысленно, она ничего не умеет и работать не хочет. Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости, пичкая соответствующими зрелищами...»

Думаю, труда не стоит догадаться об авторстве: конечно же, это наш глубокомысленный и необъятный (по Козьме Пруткову - «нельзя объять необъятного») писатель Быкодимов собственной персоной. И не то чтобы мысль была слишком уж оригинальна, - всевозможные хакамады либерализма уже давно и со всех сторон обсосали сию «идею» - настолько, что «по когтям» её уже не узнаешь - разве что по ушам их торчащим.

Моя реплика на сей счёт в нынешнем Фэйсбуке: «...И чего это все скопом повелись на какие-то его способности и таланты? Али читатель ныне такой уж нетребовательный? Али время совсем уж лишило нас тяги к абсолютным ценностям? Вахлачество цветёт пышным цветом; и сей вахлак - всего лишь «типичный представитель» (кому лень заглянуть в Даля, - дождевой пузырь на поверхности лужи). Тьфу - через левое плечо, да и только!» Вернёмся, однако, из этого мыслительного зигзага «к нашим баранам» двадцатилетней давности, пришедшим в мир (почти по Горькому), «чтобы не соглашаться».

В.В. Розанов: "Теперь - собственно предмет отрицаний.

Отрицается Бог, семья, отечество "в том нелепом виде, как оно существует", мир невидимый и видимый, но как один, так и другой - пока не увиденный и насколько он не увиден. Отрицается все неиспытанное, не перешедшее в живое ощущение; отрицается с той твердостью, как перед одним путешественником индусский раджа отрицал возможность снега и льда - "сухой и твердой воды". Раджа за глубокий и наглый обман его путешественником, сообщавшим такие невероятные вещи, распорядился даже казнить его, но почему-то не успел, иначе мы не узнали бы этого характерного рассказа. Ну точь-в-точь наше юношество негодует, сжимает кулаки, и, к несчастью, иногда больше, чем только кулаки, при всякой попытке его оспорить и не разделить его веру в особенные "сюжеты", его занимающие, или предложить поверить в другие сюжеты,

которые его не занимают. "Честная юность" от всего подобного отвращается и посылает в ответ горсти каменьев. Она замыкается в себя и изолируется; студенчество - и правда, как старое казачество - представляется в общем укладе нашей действительности каким-то островом Хортицей, где новые запорожцы совершают свои умственные оргии, где "дорогие бархатные шаровары тщательно вымазываются в дегте" и откуда время от времени показываются "удалые чайки", чтобы напасть на дремлющих "врагов", кой-что у них "поцарапать", окружить большие линейные корабли и, наделав тревоги, кой-что захватив, но никакого существенного вреда не причинив, вернуться назад с добычей, которая им доставляет большое удовольствие и почти никакого неудовольствия тем, у кого похищена".

Ежели под словом "университет" в тексте В.В. Розанова подразумевать систему образования "вообще" (и университетскую, и школьную), то многое становится не только похожим, но и понятным. Понятным - нам, живущим через сто двадцать лет "после того как"...

"...В жизни наших университетов есть незамеченная сторона, которая вообще лишает их культурного воздействия на учащихся, по крайней мере - очень сильного и продолжительного: именно - университет не дает и тени хотя бы сколько-нибудь закругленного образования, хотя бы намек на какой-нибудь целостный умственный организм..."

"...В самой структуре нашего университета лежит элементарный эмпиризм, эмпиризм полный и глубокий - плод подражательной пересадки к нам науки и нисколько не плод потребности, особенно не духовной потребности. Если бы университет давал нечто цельное и закругленное, если бы он не ограничивался разрозненными и, Бог знает, почему и зачем существующими дисциплинами, он имел бы свойство и силу втягивать в себя ум и, втягивая, покорять его, захватывать, овладевать им; и соответственно своему содержанию (каково бы оно ни было) - формировать и дисциплинировать его. Так действует всякая система, вступив во вход которой вы уже неудержимо проходите ее всю, и если в ней не удерживаетесь, не остаетесь и свергаете ее с себя - вы ее свергаете человеком гораздо более сильным, чем каким вошли в нее, и вообще выходите из нее новым человеком. Но русский юноша, каким вошел в университет, таким, в сущности, и выходит. Он только чрезвычайно в памяти своей обременен знаниями, но он вовсе не более развит, чем был, или развитость его относится, как к причине своей, к столкновениям житейским, к той или иной прочитанной книге или кругу книг; но никогда или почти никогда она не относится к тому, что он услышал с кафедры..."

Далее комментарии, казалось бы, излишни, но то, что наши доблестные реформаторы и человеколюбцы называли (и ныне называют) устремлённостью на результат - уже содержит в себе установку на деградацию и последующую гибель - цели уж слишком примитивные, хотя и "высокотехнологичные" и весьма "инновационные". Знать "как" (в лучшем случае), не зная "зачем" (в худшем, однако) - значит, подражая Урфину Джюсу, вытёсывать из бревна деревянных болванов (отнюдь не летописных «тмутороканьских»), готовых на любую крикливую (а то и кровавую) смуту; и кодовое слово в их деревянных головах всегда, во все времена одно и то же - "свобода", подразумевающее всего лишь зоологическое самоволие наших минутных желаний и вождлений.

Традиция выворачивания Смысла наизнанку слишком давняя. Дабы не ходить далече, - вот Мережковский в своём «Грядущем Хаме» пишет о том, что «Бакунин и Герцен борются (оказывается! - Ю.К.) не с именем Божиим, а с теми богохульствами, которыми "князь мира сего", вечный политик, старается закрыть от людей самое святое и страшное для него, дьявола, из всех имён Божиих: Свобода».

Бакунин восклицает: «Свобода! Только свобода, полная Свобода для каждого и для всех! Вот наша мораль и наша единственная религия».

Пришвин - горестно - о своём, но как будто о том же: «Общество было так богато, что позволяло себе содержать акробатов-художников, которые распространяли веру, что личность свободна».

И впрямь бессмысленно освобождать камень, если не существует сила гравитации: «Обещают [...] свободу, будучи сами рабами тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб», – говорит апостол Пётр (2 Пет., 2. 19).

Напомню ранее сказанное: кумир свободы необратимо вырождается в своеволие зла. Карамзин, помнится, указывал на платонову мысль о том, как из величайшей свободы произрастает величайшее рабство. Именно эта великая французская погрешка до сих пор освящает Гудзон.

У Пришвина читаем такой диалог:

— Что это? проповедь рабства?

— Мы все рабы; только те, кто знает своего Господина и любит, называются свободными, а кто не знает и ненавидит — настоящими рабами.

О том же – у преподобного Иоанна Лествичника: «Кто стал рабом Господним, тот будет бояться одного своего Владыки, а кто ещё не боится Его, тот часто приходит в страх и от тени своей».

О том же – в ином, так сказать, ключе и регистре – у волгоградского поэта Сергея Васильева (1957-2016):

*...Можно и поститься вволю,
И разгульничать, абы не
Дал Господь однажды волю
Мне, рабу, тебе, рабыне.
Смерть тогда для нас наступит
В этой жизни подневольной –
Каждый червь на грудь наступит,
Потому что тоже вольный.
Потому что тоже правый
И пред Богом не в ответе.
Ах, не сделай, Боже правый,
Вольности на белом свете!
Лучше горькое смиренье,
Чем гордыня площадная,
Где душа, теряя зренье,
Воскликает: «Мать родная!»*

Пришвин легко соглашается с тем, что счастье (пусть мимолётное, мгновенное) невозможно без совершенной свободы; но не той свободы, отсутствием которой тяжко озабочены, которую, как в тёмной штольне, «днём с огнём» ищут и добывают, которой страстно вожделеют, которую домогаются, и добиваются, и завоёвывают, и, в конце концов, «познают» и «обладают», ревниво ограждая литыми якорными цепями присвоения, тяжело провисающими по периметру надгробного постамента, – а той, «которая тебя сама нашла...»

Речь о единственно возможной свободе – творительной, творческой, сиречь религиозной, восстанавливающей связь с Первоисточником, «которая является не грабежом необходимости, а её даром». Даром Любви – «I need you!». Поскольку Бог есть любовь (1 Ин., 4. 8). А Любовь – по Платону – это стремление к целостности. Свобода – как экстатическая возможность Любви, как непреходящее томительное предчувствие, как бесконечное, утоляюще-неутоляющее приближение к неисчерпаемому Источнику. Здесь эстетичные японцы правы: бутоны больше говорят сердцу, нежели распустившиеся цветы.

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин., 8. 32). «Я есмь путь и истина и жизнь» – как Абсолютная Ценность для любого и каждого, поскольку «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин., 14. 6), поскольку «душа – по природе своей – христианка» (Тертуллиан). Но именно «свобода» от Абсолютной Ценности порождает рабство трихинам плюрализма и релятивизма.

Перефразируя классика, – «всё дозволено», коли бес, оборотившись плюшевым мишкой,

«творит добро, всему желая зла»; эпиграф к «Мастеру и Маргарите» в своём умолчании дальнейших саморазоблачений Мефистофеля слишком красноречив... «Имеяй уши слышати, да слышит» (Мф., 11. 15)».

И главное тут – не помнить родства, не оглядываться назад, не озираться по сторонам: "Пока свободою горим - мы прошлого не повторим!" А оно, как видим, само повторяется – и без нашего ведома...

«Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит». Будь то какой-нибудь ДОНИМАЮЩИЙ чью-то неразумную душу Навальный, Быков или Ходорковский – имя им легион...

Имеющий уши да слышит.

[Юрий КАБАНКОВ](#) - 03 июля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/07/vasilii-rozanov-onizedeti-i-nynesnie-svobodoluby>